

ОКОПНАЯ ПРАВДА

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

ОЛЕГ РЯБОВ

СВИНЦОВАЯ СТРОЧКА

МОСКВА 2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р98

Рябов, Олег Алексеевич.

Р98 Свинцовая строчка / Олег Рябов. - Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Окопная правда Победы. Романы, написанные внуками фронтовиков).

ISBN 978-5-04-168559-1

«Война, в полном смысле этого слова, перед моими глазами... Я в первые же дни явился свидетелем гибели двух пехотных полков с их командирами. Война — это страшная штука... особенно для пехоты. Я живу на НП полка и видел штурм, а теперь созерцаю поле, покрытое серыми шинелями. Долго они еще будут лежать!»

Эта книга представляет собой окопную повесть. Но она отличается от «лейтенантских повестей», созданных писателями в домашней, мирной обстановке, спустя годы после окончания войны. Эта книга написана именно в окопах. Автор использовал письма отца, которые приходили с фронта, литературно обработал их, добавил отцовские устные рассказы. Это хроника всей войны, истинный взгляд из окопа.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168559-1

© Рябов О.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

* * *

Хотелось назвать эту книгу «КАУЗАЛГИЯ».

Но так как не получилось название, придется писать предисловие.

Я узнал это слово в пятнадцать лет, и никакие врачи, никакие энциклопедические и медицинские справочники, никакие топонимические и этимологические словари не сумеют во мне перевернуть то первое, раннее восприятие этого термина, которое сформировалось в детстве. Мой старший товарищ, учитель, поэт Борис Ефремович Пильник, вернулся с фронта без ноги. И у него постоянно болели пальцы на той ноге, которой у него не было. Нога осталась где-то там, в Калининских болотах, осенью 41-го, а пальцы болели тут, в маленькой комнатке, на площади Горького, и мы, мальчишки и девчонки, молодые поэты, которые заходили в гости к «нашему старику» послушать стихи Гумилева или Юргиса Балтрушайтиса, видели и чувствовали, как болят эти пальцы на ноге, которой давно уже нет.

Да, по-научному это надо называть фантомной болью, но для меня это — каузалгия. Больше сорока лет минуло с тех пор, как ушел мой отец. В течение довольно продолжительного времени я работал с его письмами, дневниковыми записями, воспоминаниями, которыми он когда-то делился со мной; готовя рукопись этой книги, я постоянно мысленно советовался с ним. За эти годы я часто слышал его голос, не раз встречал в толпе, видел силуэт в окне, просто разговаривал... Я постоянно пытаюсь понять, как он прошел этот путь, который не все осилили по разным причинам.

Каких-то пятьдесят лет назад теплым майским утром я слышал почти церковный колокольный звон: это побрякивали серебром и золотом медали вернувшихся живыми.

«И каждый первый — герой, И каждый второй — бессмертен», — сказал о них Поэт.

Мне в жизни приходилось сталкиваться со многими интересными людьми, попадать в неординарные ситуации, и всегда я мысленно советовался со своим отцом, которого нет, не просто рядом, а вообще уже нет. И это тоже каузалгия, а значит — боль.

Хотя в этом есть доля лукавства: письма моего отца из кровавых окопов Великой Отечественной войны, которые он писал моей бабушке, опосредованно давали мне советы, в них я находил ответы на многие вопросы. У меня всегда по этой причине есть возможность поговорить с ним.

Хотя это тоже каузалгия, а значит — боль.

Часть 1

**ПУТЕШЕСТВИЕ
НЕ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ**

(Военный дневник)

1. Я простился с Волгой

20.09.41

Въехал в Азию! Никто из вас так не путешествовал, да, наверное, и не придется: мне кажется, никто не пожелает. Сегодня в первый раз умылся после Куйбышева, где в какой-то парикмахерской помыл руки. В Куйбышеве я долго лежал на пустынном берегу и глядел на реку с белыми гребешками волн — на душе было легко. Я даже не простился — я простился с Волгой еще в Горьком: пятнадцатого сентября целый день на яхте общался с Волгой, быть может, в последний раз. Теперь я в Азии, а здесь, кажется, по местным обычаям можно совсем не мыться.

Сразу после Самары началась степь (так начинаются многие рассказы прошлого века, где описывается, как русские господа ездили на кумыс), с ее ковылем, пылью и осенними ветрами. Ветер сильный, пронизывающий до костей, но дождей пока нет, сквозь облака проглядывает солнце. После Оренбурга помахали рукой Европе.

Здесь, в Азии, все своеобразно. Деревушки маленькие, серенькие, домики-мазанки по типу украинских, но нет ни кустика, ни дерева — кругом голая бесконечная степь. На остановках грязные босые ребятишки продают арбузы, дыни, молоко; по дорогам едут на верблюдах — все как 150–200 лет назад. Настроение у меня прекрасное, я доволен, доволен, вероятно, так же, как какой-нибудь чеховский инженер, ехавший в мягком «пульмановском» вагоне.

На соседней полке под рваным пестрым одеялом все время сопит и всхрапывает старый киргиз, но я мирюсь с этим — ведь не часто приходится ездить с киргизами. На другой полке лежит поляк с замечательными голубыми глазами. Боже, видели бы вы его!

История поляка такова: повоював с немцами 12 дней (Польша воевала только 12 дней!), он попал в плен и был отправлен под Берлин, оттуда бежал домой, в Варшаву. А дальше — Россия, Сибирь. И сейчас он едет в Актюбинск, где из таких вот «патриотов» генерал Андерс формирует польскую армию. В Актюбинске их уже 100 тысяч, и все из тюрем, и все без семей. На этом поляке с голубыми глазами надето то, что он когда-то надел дома, в Варшаве: брюки уже изорваны, раньше они были черные, а сейчас напрочь вытерты и стали грязно-серыми, белье, когда-то белого цвета, сейчас тоже серое, на ногах — обмотки из каких-то тряпок и рваные лыжные ботинки. Он просит у меня нож, режет арбуз, затем тщательно вытирает его о брюки и вежливо, очень вежливо возвращает обратно.

Я выехал из Горького с военными, кто-то из них ехал до Куйбышева, кто-то дальше, но сейчас уже нет ни одного. Все, связанное с войной, осталось за Волгой, и я не знаю, что делается на свете: нет ни радио, ни газет — и только плач и крики на станциях при проводах мобилизованных напоминают о чем-то неясном и далеком.

В вагоне остались наши русские мужики с Урала, Каспия; эти шумят, ругаются, они — чистые, так как прямо из дома; требуют к себе хорошего отношения, ибо едут на смерть. Один встретился в тамбуре: «Браток, закури!» Закурили. «Ты понимаешь — последний день!.. Не хотелось ругаться, но вынуждают, и я своего добьюсь».

Поляки были тихие и вежливые. Они ничего не требовали, всех называли «пане» и друг друга — «пане Замборский». А посмотрели бы вы на этих панов!

Цены здесь очень низкие: молоко — два рубля литр, арбузы и дыни от рубля до трех.

25.09.41

Здравствуйте, друзья мои! Многим может не понравиться тон моих писем, но что делать: я не по своей воле путешествую, да и без комфорта; конечно, я очень бы не хотел, чтобы мое турне кончилось востоком, а не западом, но это все еще впереди, а пока... тянутся дикие, безлюдные пустыни Туркестана и «голодная степь» Казахстана. Это не Волга, и даже не Урал, и все здесь свое, своеобразно-азиатское, начиная от звездного неба, кончая обычаями.

Здесь даже скот не похож на наш — все наше здесь гибнет.

Если вы взглянете на карту, то от Куйбышева до Оренбурга тянется степь. Это обычная степь Южной России с табунами скота, с кумысом, с кумысолечебницами. От Аральского моря начинаются Приаральские Кара-Кумы, уже ничего не растет и почти никто не живет, только скорпионы и ящерицы. Трудно поверить — на тысячи километров нет ни свежего кустика, ни зеленой травинки: или степь с сухой серой травой (до Аральского моря), или сплошные пески — безграничные, сливающиеся с горизонтом, с растущими кое-где низкорослыми колючими деревьями без листьев. Это дерево пустыни называется саксаул. Видел озера из соли; неприятно встретить в пустыне такое озеро жаждущему влаги путнику. Интересно: среди диких песков появляется голубое блестящее зеркало воды, и разве только на расстоянии нескольких метров понимаешь, что это соль.

26.09.41

Я проехал ровно 10 суток — 240 часов. Мне прокрутили кинофильм «Прифронтовая полоса и тыл», фильм в 240 часов, цветной, стереоскопический. Я просмотрел все с неослабевающим интересом и даже не заметил, как пролетело время, то была первая серия, а сейчас антракт.

Алма-Ата! Она меня ошеломила. Я слышал рассказы про этот город, но представлял что-то другое. Я видел Ленинград, Севастополь, Сочи, но Алма-Ату сравнить просто не с чем. Проехав последние 800

километров через Голодную степь (так называется пустыня, тянущаяся вдоль Киргизского хребта) и почти не встретив по пути растительности, я попал в сказку.

Представьте себе лес: большой девственный лес из берез, лип, кленов и пирамидальных тополей, а в этом лесу стоят небольшие белые домики, в основном одноэтажные. Здесь милиционерам не нужно управлять движением, то есть следить за тем, чтобы народ переходил улицу на перекрестках. Идет асфальтированный тротуар, затем изгородь из акаций, арык (канавка с проточной ледяной водой), затем аллея высоких деревьев, снова барьер из акаций, и уже шоссе, асфальтированное, так же точно и с другой стороны. Улицы все идеально прямые, пересекаются под углом в 90 градусов, особенно интересно ночью: идешь и слышишь, как со всех сторон журчит вода, даже в туалетах на улицах, в парках, кругом журчат арыки, и вот на таком искусственном питании растет огромный лес, это среди бесконечных, диких, выжженных солнцем степей. Я выходил на станциях на 10–15 минут из вагона и ужасался жаре: температура 40–45 градусов, а здесь, в городе, прохладно.

А какое тут небо!.. Помните картины Верещагина, там небо ярко-бирюзового цвета, смотришь и не веришь, что такое бывает. Здесь оно действительно такое.

Теперь небольшая справка: в Алма-Ате больше солнечных дней в году, чем где-либо в СССР. Здесь и зима своя, собственная, неазиатская, а алма-атинская, почти всегда с солнцем. Парки с фонтанами,

с огромными клумбами цветов, как на сельскохозяйственной выставке в Москве, только со всех сторон окружают фантастически величественные снеговые горы. Город находится на склонах Киргизского хребта (отроги Тянь-Шаня) на высоте 800 метров над уровнем моря и окружен горами. Идешь по городу, а его длинные зеленые улицы сливаются вдаль с вершинами гор. Какое приятное чувство — глядеть туда вверх. На фоне этого яркого бирюзового неба в какой-то розовой дымке стоят хребты с вечными снегами. Кажется, это совсем близко, но высота их достигает 7000 метров. Описать все это трудно. Правильно сказал один философ: понять можно только то, что прочувствовал и испытал сам. Тут все так своеобразно и необычно, что только приходится вспоминать картины и декорации художников: все эти юрты киргизов в голой степи, эти горы в розовой дымке хорошо воспроизводит Анатолий Мазанов в нашем Оперном. Смотришь на горы, и кажется, что это декорации или что-то искусственное поставлено за городом.

В поезде познакомился с одним биологом, шесть лет назад окончившим Московский университет; он работает здесь. Восемь месяцев в году в экспедициях: был и на Днепре, и на Енисее, ездил по Бугу, по Оби и по Аму-Дарье, был почти во всех городах Союза, облазил здешние горы, степи и пустыни. Видел все, кроме Уссурийского края, как сказал он. Много он мне рассказал, и все-таки я ему не позавидовал и свою работу на его не сменил бы. Почему так? Не знаю.

Ну, а о работе — здесь все произошло, как у Игоря Пузырева. Он написал мне, что они со знакомым

пришли, осмотрели радиостанции и поняли, что все «нормально», как и дома. Я тоже мог бы приехать на неделю позже, и ничего бы не изменилось. Пять тысяч километров обстановку не изменяют. Пробуду здесь, вероятно, долго.

1.10.41

Прочел коммюнике Московской конференции, абсолютно ничего не понял, но понравились последние семь строчек в выступлении Гарримана. Я подумал и пошел стричься наголо, под машинку. С волосами фотография приложена к сему. В Алма-Ате красавиц нет, домой, вероятно, попаду не скоро, и посему волосы не нужны. Между прочим, серьезно: в Алма-Ате я не видел ни одной более или менее красивой женщины. В таком красивом городе какие-то серые невзрачные люди. Вот в Ташкенте живут узбечки, так на них приятно посмотреть: яркие, у всех карие глаза и черные косы. Я ведь через Узбекистан тоже проехал. А сколько обычаев здесь интересных, а главное: мужчины, казахи, не работают абсолютно, только ездят по гостям пить чай.

Работа. Сегодня первый раз проводил занятия с радистами полка. Из пушек стрелять, кажется, не придется. Немного обидно!! Командир дивизии сказал мне, что артиллеристов у него достаточно, а вот радиоинженер только один. Пришлось согласиться.

Люди в полку прекрасные, большинство с производства, и все русские. Среди офицеров есть один еврей, хороший парень, но уж очень угнетен, хотя и уверен, что вырвется отсюда. Попал он в армию,

как говорит, совершенно случайно, ибо у него кругом свои люди, кругом блат. А теперь у него два выхода: или немцы убьют, или свои за какую-то оплошность. Он прямо говорит, что рожден не для войны. А в остальном душевный человек, я ему очень понравился, и он мне все это рассказывает, уж очень тоскует по дому.

Должность у меня занятая — сам себе хозяин. Главное — за людей ответственности нет, ибо их у меня нет, и техники, правда, тоже пока нет. Начальники у меня сволочные попались, я уже и поругаться успел. Они не хотят понять, что пушки и радио вещи несравнимые, а сами-то понимают только в пушках. Но это все дело дальнейшего будущего, а пока выпал первый дождь, что очень приятно, ибо погода невыносимо жаркая. Дыхание осени дошло и сюда: пожелтели березки и клены, тротуары покрыты упавшими листьями, и ночами дуют сильные ветры.

В город нас теперь не пускают, и лежу я целыми днями у себя на нарах, на третьем этаже, и читаю техническую литературу. Кругом висят сапоги, портянки, полотенца; внизу тренькают на балалайке и гармошке. Вечерами сидим у входа и курим, ночи здесь черные-черные, и звезды такие, какими они могут быть только на юге: все небо в бриллиантах. В 9 часов заваливаемся спать до 7 утра; днем я не сплю, а друг мой еще и днем спит. Иногда ходим в ДК, смотрим кино, но я с большим удовольствием лежу вечерами на нарах и слушаю гармонь.

18.10.41

Тася, я пишу обычно много, но так однообразна моя жизнь здесь, что писать уже нечего. О городе — все, о дороге — все, о людях: о них можно только говорить — это психологические, философские темы.

Сейчас лежу у себя на нарах и дрожу: по полку объявлена химическая подготовка, а я даже противогаз не получил, по пословице: «Пока гром не грянет, русский не перекрестится».

У нас ведь и шинелей нет — здесь стоит ужасная жара. Но самое противное — это пыль и то, что травы нет — вся выгорела. Утром у вас сейчас туман, и здесь такая же картина, но только от пыли, которая поднимается ночными ветрами. А спим как? Кроме пальтишка из дома у меня ничего нет; оно подо мной, а под головой сумка с инструментом и пилотка. Хорошо, что жарко — покрываться не надо; на нарах окурки, бумажки и все та же пыль, но меня это особенно не тяготит.

Да, Таська, я не писал о здешних яблоках, ведь мы выросли среди яблоневых садов, ели, кажется, всякие, но, поверь, здешние яблоки ни с чем не сравнимы. На базаре продают и виноград, и груши настоящие, дюшес, но их я покупал только так, для разнообразия, ибо яблоки много лучше. Представь себе огромный базар и — в основном яблоки; они все или красные, или белые и огромной величины (обычно 200–300 граммов). Если будет возможность, то приедем сюда специально есть яблоки.